

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бочарова Е. Н.</i> Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии.....	7
<i>Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсуре Б.</i> Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)	31
<i>Савельева А. С.</i> Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)	47
<i>Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю., Тишкин Ал. Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П.</i> Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения.....	66

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ерохина О. В., Захаров В. Ю.</i> «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг.	85
<i>Кобец О. В.</i> Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния	103
<i>Смирнова Т. Б.</i> Народы Сибири, их численность и динамика в постсоветский период.....	121
<i>Уваров С. Н.</i> Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г.	142
<i>Черказьянова И. В.</i> Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития	155
<i>Чернышева Н. В., Ситникова Е. А., Ажигулова А. И.</i> Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизводства	172

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Габдрахманова Г. Ф.</i> Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан	194
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.	223
<i>Чеджемов С. Р.</i> Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX вв.	238

ДЛЯ АВТОРОВ	257
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 3

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Bocharova E. N.</i> The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia	7
<i>Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Gunchinsuren B.</i> Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia)	31
<i>Savelieva A. S.</i> Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V. V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe)	47
<i>Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu., Tishkin Al. Al. (Jr.), Erdenepurev P.</i> Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study	66

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Erokhina O. V., Zakharov V. Yu.</i> "Strict supervision or eviction?": toward a question of the situation of germans in Petrograd province in 1914–1916	85
<i>Kobets O. V.</i> New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province	103
<i>Smirnova T. B.</i> Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period	121
<i>Uvarov S. N.</i> Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus	142
<i>Cherkazyanova I. V.</i> German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX — first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development	155
<i>Chernysheva N. V., Sitnikova E. L., Azhigulova A. I.</i> Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939–1959: the main trends of reproduction	172

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Gabdrakhmanova G. F.</i> The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan	194
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries	223
<i>Chedzhemov S. R.</i> State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries	238

FOR AUTHORS	257
--------------------------	-----

УДК 930

DOI 10.14258nneur(2025)3–13

*С. Р. Чеджемов**Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Владикавказ (Россия)*

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА КАВКАЗЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Конфессиональная история народов Российской Федерации в современных условиях имеет не только чисто историко-аналитический аспект, но и весомую практическую значимость в условиях необходимости использования позитивного опыта прошлого в деле гармонизации межэтнических и конфессиональных отношений. Россия как государство-цивилизация сложилась издавна, однако этот процесс все еще не исследован в должной мере как в силу определенных сословных имперских предпочтений в до-революционной время, так и классовых стереотипов, довлевших над обществом в советскую эпоху. Государство Российское и православная церковь были во многом едины вплоть до декрета В. И. Ленина об отделении церкви от государства. В отношении иных традиционных религий и верования проводилась веротерпимая политика, дающая возможность занимать крупные государственные должности и получать высшие воинские звания не только православным.

Народы Кавказа в XIX — начале XX в. находились юридически в составе Российской империи и их жизнедеятельность, помимо общеимперского законодательства, регламентировалась и локальными актами, что в отличие от законодательства иных империй тех лет, гарантировало им сохранение свободы совести. Автор не согласен с утверждением, что имперская власть террором уничтожала в Осетии традиции настоящего христианства, ислама и народных верований. В статье, на основе анализа материалов народов Кавказа, характеризуются государственно-конфессиональные отношения в русле внутренней политики страны, подчёркивается историческая преемственность гуманистической политики центральной российской власти в национальном регионе страны.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, Владикавказско-Моздокская епархия, Владикавказские епархиальные ведомости, христианство, ислам, мухаджирство, секты, духовная культура

Для цитирования:

Чеджемов С. Р. Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 238–250.
DOI 10.14258nneur(2025)3–13.

Чеджемов Сергей Русланович, кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета), Владикавказ, Россия. **Адрес для контактов:** srchedgemov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2260-3016>.

S. R. Chedzhemov

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz (Russia)

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE CAUCASUS IN THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

The confessional history of the peoples of the Russian Federation in modern conditions has not only a purely historical and analytical aspect, but also a significant practical significance in the context of the need to use the positive experience of the past in the harmonization of interethnic and confessional relations. Russia, as a state-civilization, has been formed for a long time, but this process has not yet been properly studied both due to certain class imperial preferences in the pre-revolutionary time, and class stereotypes that dominated society in the Soviet era. The Russian state and the Orthodox Church were in many respects united until the Soviet decree of V.I. Lenin on the separation of church and state. With regard to other traditional religions and beliefs, a tolerant policy was carried out, which made it possible not only for Orthodox Christians to occupy major government positions and receive the highest military ranks. In the 20th century, the peoples of the Caucasus were legally part of the Russian Empire and, in addition to the general imperial legislation, their life was also regulated by local acts, which, unlike the legislation of other empires of those years, guaranteed them the preservation of freedom of conscience. The author does not agree with the statement that the imperial and Soviet authorities destroyed the traditions of real Christianity, Islam and folk beliefs in Ossetia by terror. Based on the analysis of the materials of the peoples of the Caucasus, the article characterizes the state-confessional relations in the mainstream of the country's domestic policy, emphasizes the historical continuity of the humanistic policy of the central Russian government in the national regions of the country.

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Vladikavkaz-Mozdok Diocese, Vladikavkaz Diocesan Gazette, Christianity, Islam, muhadzhirstvo, sects, spiritual culture

For citation:

Chedzhemov S. R. State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, No. 3. P. 238–250 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–13.

Chedzhemov Sergey Ruslanovich, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz, Russia. **Contact address:** srchedzhemov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2260-3016>.

Введение и актуальность

В современном мире наши духовные ценности стали предметом враждебного натиска со стороны так называемых западных стран, в которых под видом равенства полов и толерантности осмеиваются нравственные ориентиры, служащие не одно столетие общечеловеческими ценностями, в очернительских тонах описывается наша история и современная повседневность. В этих условиях особое значение предается воссозданию подлинной истории страны и ее народов. Это необходимо не только для формирования объективной картины прошлого, но и использования накопленного положительного опыта в современных условиях.

У православного христианства и традиционного ислама в России особо много приверженцев, да, наверное, без этих религий не было бы современного нашего государства, не случайно их называют государствообразующими. И именно они во многом и послужили основой для формирования российских государственно-конфессиональных ценностей. Их политико-правовое содержание определяет Конституция РФ. 9 ноября 2022 г. был издан специальный Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента..., 2022].

Мы видим четкое и емкое определение сути традиционных ценностей — это «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны». В Основном законе — Конституции нашей страны (ст. 67) прямо утверждается, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [Конституция РФ...] особо востребован опыт межконфессиональных отношений, накопленный в нашем Отечестве до революционных событий 1917 г.

Гражданские в крепости, а как же с тюрьмой народов?

Как мы уже отмечали выше, со времен церковных реформ Петра Великого государство Российское и православная церковь были во многом едины, и это положение дел сохранялось вплоть до советского декрета об отделении церкви от государства. Это была своеобразная особенность российской политико-правовой системы. В отличие, скажем, от англиканской церкви, где монарх признавался и главой церкви, в России глава государства — император всероссийский, или царь — формально не был главой церкви. Признаваясь помазанником Божиим в русской православной традиции, он определял всю церковную политику, но не напрямую, а через специальный исполнительный орган — Святейший Синод. Его руководитель — обер-прокурор был лицом не духов-

ным, он назначался царем и был ему подоточен. Фактически главной его задачей была организация коллективной деятельности высших церковных иерархов в реализации религиозной деятельности Русской православной церкви. Однако Россия была страной многоконфессиональной, объективности ради следует отметить, что в те годы она являла собой один из лучших примеров мирного сосуществования религиозных конфессий.

Правовой механизм взаимодействия религиозных конфессий — сложная и до сих пор малоизученная проблема отечественной истории. В условиях советской власти определенные попытки для этого сделаны были, но осуществлялись они в рамках устоявшегося стереотипа марксистско-ленинского тезиса «религия — опиум народа» и «царская Россия — тюрьма народов». Вошедшие в состав Российской империи народы Кавказа в XIX в. испытали на себе влияние имперского законодательства, однако в советской научной литературе в силу ее идеологизации оно не получило объективной оценки.

В современной литературе справедливо отмечается, что «Российское государство на протяжении многих столетий складывалось как поликонфессиональное политическое образование, где особая роль отводилась Русской православной церкви, получившей статус государственной конфессии. Однако правительство не забывало и о представителях других вероисповеданий, наделяя их определенным объемом прав, привилегий и накладывая ограничения согласно их правовому статусу» [Шершнева, Дашковский, 2024: 179–178].

Доцент Т. Е. Дзеранов считает, что одной из особенностей христианизации Осетии-Алании, «которое по сути совпало с процессом вхождения в состав империи, было то обстоятельство, что осетины воспринимали крещение как акт принятия русского подданства, массово крестились, не вникая в суть христианского учения» [Дзеранов, 2006: 45].

С этим умозаключением можно согласиться лишь частично, была и такая категория населения. Но в целом, это утверждение не характерно для осетин. Одна их часть, причем большая по численности, сохранили христианские традиции, существовавшие в недрах аланского царства и среди них, по сути дела, шел процесс возрождения христианства.

Другая часть придерживалась мусульманского вероучения суннитского направления и вере своей не изменяла, а вот на российской государственной службе проявляли рвение и усердие и очень, наверное, бы удивились, если бы узнали о некоторых «исследованиях», в которых безапелляционно утверждается, что таковые на воинскую и иную государственную службу не привлекались. Ниже мы остановимся на одном из таких — М. А. Кундухове, и пример этот далеко не единичный.

Позволим себе привести еще пример: «Селение Эльхотово, население которого исповедовало Ислам, было окружено войсками Шамиля, который обращался с личным письмом к своим единоверцам-осетинам, призывая их на борьбу с русскими. Эльхотовцы, посоветовавшись, ответили решительным отказом. И тогда завязалось сражение, которое продолжалось несколько дней, в которых заслужили почетное прозвище жители геройского села.

Во время этого же сражения эльхотовец Хурсин Чеджемов, тяжело раненный в бою, тем не менее, оказывал решительное сопротивление врагу в течение трех дней, заняв

выгодное положение в горной пещере. За мужество Х. Чеджемов по представлению военного министра Чернышёва был награжден императором Николаем I Георгиевским крестом [Елхот, 1999: 16].

В начавшемся процессе правовой аккультурации вошедших в состав Российской империи народов Кавказе центральная власть демонстрировала понимание их национальных и конфессиональных интересов в организации внутренней жизни обществ. В этом плане весьма примечательным правовым источником представляется нам именной императорский указ губернатору Астраханского края Якобию и командующему русскими войсками Г.А. Потемкину, в задачу которых входили вопросы ведения переговоров с «кавказскими старшинами» и организация внутренней жизни кавказских народов жизни под скипетром дома Романовых. Екатерина II повелевала губернатору следить за тем, чтобы российские власти «не употребляли народам тамошним притеснений или принуждений» [Полное собрание законов Российской империи, 1830: 389].

Данное указание было дано в связи с постройкой в крепости Владикавказ русской православной церкви. Она выполняла свои задачи не только для воинского контингента, но и для первых православных христиан из числа кавказцев. Под стенами крепости возникло и осетинское селение, которое уже к началу 30-х гг. XIX в., по мере укрупнения границ крепости, т. е. расширения крепостных стен, оказалось внутри самой крепости.

Это была осетинская слободка, населенная осетинскими семьями, получившая название Ирыкау, что в переводе с осетинского означает «селение осетин». Здесь в 20-х гг. XIX в. была построена деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая затем была перестроена. Она стала каменной и функционирует и сегодня.

Появление осетинского селения было нарушением общих принципов функционирования крепостей, учреждений. Как мы знаем, сугубо военных, причем не только русских, но в данном случае и крепостное командование, и центральная власть осознанно пошли на это, и данное положение дел попытался нарушить лишь «природный осетин», генерал-майор Мусса Кундухов (1818–1889), бывший начальником Военно-осетинского, а затем и Чеченского округов.

Генерал — мусульманин, командующий округами в Российской империи. В чем суть его конфликта с православным батюшкой?

Значение Муссы Кундухова в истории народов Кавказа весьма неоднозначное. Оценка его деятельности в полной мере несет на себе отпечаток классового подхода и, в силу этого, определённых необъективных характеристик. На наш взгляд, лишь профессору В.В. Дегоеву удалось наиболее полно охарактеризовать эту личность как в публицистическом, так и научном плане [Дегоев, 2003: 12–89]. Ему удалось наиболее точно охарактеризовать весь драматизм деятельности этой личности, которая, увы, во многом сказалась в негативном плане не только на осетинах, но и других кавказских народах, предпринявших в середине XIX в. трагичное переселение в Османскую империю [Дзагуров, 1925: 18].

Именно Кундухов поставил вопрос о выселении осетинского поселения за пределы Владикавказской крепости. В историографии нет единого мнения на оценку причин этой инициативы. Нам представляется, и мы впервые выдвигаем эту версию, что генерал-майор Мусса Кундухов был озабочен тем, что его соплеменники, проживая в воен-

ной крепости, оказались в более привилегированном положении по отношению к другим кавказским народам. В пользу нашего утверждения может свидетельствовать и то, что Кундухов после Осетинского возглавил Чеченский округ и, уже находясь на этой должности, в 1865 г. организовал переселение кавказцев, в основном чеченцев и осетин, в Турцию.

В ранние годы советской власти видный представитель осетинской интеллигенции начала XX в. Г. А. Дзагуров утверждал: «Командующий войсками Терской области М. Т. Лорис-Меликов писал, что М. Кундухов прямо высказал ему мотивы, побудившие его возглавить переселение горцев — спасти туземное население от бедствий, которые неминуемо постигнут эти племена в случае восстания» [Дзагуров, 1925: 18].

Вряд ли эти слова можно всецело принимать на веру, учитывая то обстоятельство, что основная масса народов, исповедовавших ислам, осталась в России, а многие из уехавших вскоре пытаются вернуться, и это многим удавалось. А в народном фольклоре представителей народов, уехавших в Турцию, переселение отразилось в крайне негативных тонах. Например, у осетин, как отмечал известный общественный деятель и ученый Шамиль Джикаев, «переселение было спровоцировано правительством Турции, а в стихах уехавшего Т. Мамсурова потрясающие картины народных бедствий на пути смерти» [Джикаев, 1984: 41]. Аналогичную картину применительно к ногайскому народу в Турции описывает и доцент А. Т. Джумагулова [2014: 38].

Парадоксальным, но и весьма убедительным является выявленный уже в наши дни исторический факт: Под началом «Муссы Кундухова в Турцию выселилось около 5 тысяч семей. В 1868–1870 гг. только в районе г. Саракамыш Карской области Османской империи насчитывалось 8 осетинских селений. В настоящее время не осталось ни одного» [Сокаева, Канукова, Марзоев и др., 2016: 201].

Анализируя подготовленные и изданные по его инициативе мемуары генерала Кундухова, профессор В. В. Дегоев высказал полемичную мысль о том, что Кундухов — «осетин по рождению, он говорит об этом реже, чем о своей принадлежности к мусульманам. Порой создается впечатление, что, употребляя фразу «мой народ», Кундухов имел в виду более широкую общность, нежели осетины. В тональности его высказываний проглядывают признаки характерного для последователей ислама религиозно-космополитического самосознания. Он принимал концепцию европеизации в своеобразном варианте — с сохранением и поощрением мусульманской религии в качестве основы идейного, духовного и культурного единства народов Северного Кавказа. По сути, Кундухов невольно ставил перед Россией абсурдную для нее задачу — в материальном плане цивилизовать Северный Кавказ на европейский лад, а в духовном — объединить его идеями ислама, чтобы в конце концов потерять этот важный регион, предварительно оплатив его независимое существование. Учитывая практическую невозможность сохранения реальной политической самостоятельности столь ценной в стратегическом смысле территории, нетрудно предположить, в чью сферу влияния попал бы Кавказ» [Дегоев, 2003: 8].

Ислам представляется для исследователя потенциальным катализатором нарушения государственного единства империи и залогом выхода кавказских народов из ее состава. Думается, что, учитывая веротерпимость российского государства, данное утвер-

ждение является если и не совсем некорректным, то, во всяком случае, оно не должно приниматься априори.

Последующие события, в том числе и недавнего прошлого, подтверждают нашу идею о том, что ислам — не антипод российского патриотизма и государственной целостности. Современники М. Кундухова, в большинстве своем православные, упрекали генерала в том, что, желая выселить осетин из крепости, он пытается ущемить христиан, поскольку сам генерал придерживался мусульманской веры. Эта идея была основана видным представителем осетинской интеллигенции А. В. Колиевым (1822–1866), бывшим в те годы благочинным осетинских приходов Русской православной церкви. Именно с этой идеей он обратился к экзарху Грузии Евгению, поскольку осетинское православие тогда входило в Грузинский экзархат, и экзарх поддержал осетин.

В советское время утверждалось, что выселение состоялось. Так, видный осетинский ученый Б. А. Калоев писал, что именно в результате этого возникло одно из самым многочисленных осетинских селений Ольгинское, основанное «в 1859 году почти целиком из жителей осетинской слободки Ирыкау» [Калоев, 1967: 124]. Между тем это утверждение верно лишь в той части, что его основу действительно составили осетины-христиане из крепости, но в целом осетинское население осталось на своем прежнем месте проживания, и данный факт неоспоримо свидетельствует о большом количественном составе осетин, постоянно проживающих в военной крепости.

Между двумя выдающимися представителями осетинской интеллигенции тех лет Кундуховым и Колиевым разгорелась жаркая полемика именно по вопросам веры. И у того и у другого были последователи, разделяющие их взгляды, но в целом и осетины мусульмане и христиане в большинстве своем остались верными российскому подданству.

Мы разделяем мысль о том, что определенным показателем верноподданнических чувств осетин было то, что «в годы Кавказской войны осетины, как христиане, как и мусульмане в своем подавляющем большинстве сохранили верность России» [Осетины, 2012: 452]. А что касается «дискуссии», то генерал грозил зарезать Колиева саблей, на что тот отвечал, что погубит генерала гусиным пером [Алборов, 2005: 204].

Конечно, мухаджирство — переселение мусульман Кавказа в единоверную Турцию — свидетельствует не об определенном непреодолимом противостоянии христианства и ислама как вероучений. Скорее, оно свидетельствует о том, что определенные силы пытались использовать, в большинстве случаев безуспешно, воспетое еще Р. Киплингом противостояние Востока и Запада, которым на Земле не суждено сосуществовать вместе. Однако опыт российской истории свидетельствует как раз об обратном. Российская имперская внутренняя политика, при всех нюансах ее правоприменения, в целом отражала и даже предвосхищала истинные интересы народов, нуждающихся не в массовой эмиграции, а в выстраивании социально-экономической модели модернизации во имя самих людей, а не интересов третьих стран, далеких от истинных интересов многонационального российского народа.

К чести самодержавия, говоря словами академика М. М. Ковалевского, центральная власть не ломала веками выверенный общественный порядок жизнедеятельности народов, вошедших в состав империи, а проводила политику правовой аккультурации, в том числе и силами интеллигенции самих народов. Это наглядно видно на примере

того же М. А. Кундухова, автора воззваний относительно кровной мести и некоторых других вредных обычаев, которые вошли в издававшиеся Ада́ты кавказских горцев и регламентировавшие их жизнь [Ада́ты кавказских горцев, 1886]. Опубликованные уже в период «перестройки» мемуары М. Кундухова, выявленные в зарубежных архивах профессором В. В. Дегоевым, являются ценным источником, однако, им, как и многим иным сочинениям эпистолярного жанра, присуща определенная тенденциозность. Впрочем, мы допускаем, что она могла возникнуть в результате авторской правки.

Находящиеся вне России ее бывшие сыны сгущают краски, обрисовывая повседневность своей бывшей родины. На наш взгляд, это можно объяснить не столько их личностными обидами, сколько желанием привлечь западного, а в случае с мемуарами М. Кундухова, и восточного читателя определенной экзотикой описываемых событий. Мемуары были написаны в Турции, впервые увидели свет в Париже на страницах журнала «Кавказ» и разошлись по всему миру. По счастливой случайности профессору Дегоеву удалось найти их в фондах знаменитого Гуверовского института войны, революции и мира.

Вот таким образом, в конце XX в., начиная с 1995 г., российские читатели смогли познакомиться с ними на страницах журнала «Дарья́л». Впоследствии, уже в 2013 г., мемуары генерала вышли отдельным изданием [Кундухов, 2013].

Пример тенденциозного описания наглядно виден в описываемом факте христианизации: «Не желавших казаки связывали, и после сильных побоев, неграмотный поп обливал их водой, а иногда и мазал им губы свиным салом; писарь записывал их имена и прозвания в книгу как принявших по убеждению святое крещение и после требовал от таких мучеников строгого исполнения христианских обрядов, коих не только они, несчастные, но и крестивший их поп не знал и не понимал. За непослушание же подвергали горцев телесным наказаниям, арестам и денежным штрафам» [Кундухов, https://booksafe.net/book/kunduhov_mussa-memuary-145326.html].

Даже если это событие имело место, то и в этом случае оно не характеризует ни отношение российского государства и своим жителям-мусульманам в целом, как и сам обряд крещения в частности. В целом православные церковнослужители действовали согласно устоявшийся канонам, в которых напрочь отсутствует описываемый обряд «салопомазывания» губ крестившихся.

Один из первых профессоров — выходцев из среды горских народов Кавказа — Б. А. Алборов считал, что переселение в Турцию внутри страны объяснялось боязнью «потерять чистоту своих религиозных воззрений» [Алборов, 2005: 175]. Нам эта версия представляется гораздо убедительнее иных.

К этому следует добавить, что геополитические противники России в те годы вынашивали планы собрать в пределах Турции как государства — одного из соперников России — всех недовольных и использовать их в предстоящих столкновениях против России, что наглядно проявляется в западноевропейской политике. Говоря словами Э. Спенсера, использовать народы Кавказа и из их числа «вооружить двести тысяч храбрейших в мире воинов, способных дойти с огнем и мечом до самых ворот Москвы»¹.

¹ Здесь и далее цитируется перевод на русский язык первоисточников, выполненный профессором МГИМО В. В. Дегоевым.

Примечательно, что турецкое правительство первоначально выделяло для переселенцев земли на границах с Россией для того, чтобы было их легче двинуть на войну с Россией. Но этим планом не было суждено сбыться во многом благодаря прозорливости М. Т. Лорис-Меликова, хорошо знавшего Кавказ и бывшего в те годы министром внутренних дел России, который «категорически запротестовал против такого предложения турецкого правительства» [Алборов, 2005: 204].

Политика и повседневность епархиального издания

Весьма ценным источником изучения не только церковной-православной жизни в Российском государстве, но и вообще конфессиональной политики на окраинах Российской империи XIX — начала XX в. являются как свидетельства эпистолярного жанра, так и специальные печатные издания тех лет.

Реальная практика деятельности Русской православной церкви на Кавказе, в том числе и выстраивания отношений с представителями других религий или, как их было принято именовать в те годы, «инославных вероисповеданий» хорошо прослеживается на основе анализа нормативной литературы тех лет, в частности, издававшихся в епархиях специальных печатных изданий.

Например, большая половина современного Северо-Кавказского федерального округа РФ в те годы именовалась Терской областью, столицей которой был город Владикавказ, преобразованный из одноименной крепости в 1860 г. Здесь действовала Владикавказская и Моздокская епархия, официальным печатным органом которой были «Владикавказские епархиальные ведомости» — (в дальнейшем ВЕВ), которые издавались в Москве в 1895–1917 гг.

Номера этого издания сохранились как в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, так и Республики Северная Осетия-Алания. Данное издание осуществлялось в течение всего года, номер выходил один раз в две недели, а затем все номера объединялись в годичный сборник, в котором указывалась сквозная нумерация страниц. В издании существовал принцип разделения материалов по двум разделам или, как тогда писали, частям: официальная и неофициальная.

Официальная часть представляла собой аналог современного издания принятых новых нормативных правовых актов — текущего законодательства. Здесь печатались как законы и подзаконные акты Российской империи, так и материалы канонического права вышеназванной епархии. По своей форме это были императорские указы, манифесты, повеления, распоряжения и т.д.

Ведомости нацеливали выстраивать свою работу во исполнение указов «Его Императорского Величества и Святейшего Правительствующего Синода». Здесь также помещались руководящие директивы архипастыря и епархиального руководства. Вместе с этим публиковались и отдельные мнения мирян, церковных старост по насущным вопросам государственной и церковной деятельности.

Особое внимание уделялось казачеству. Терское казачье войско начиная с 1832 г. посылало своих лучших молодых людей на службу в конвой Его императорского величества. Это была весьма почетная и ответственная миссия, и осуществлялась она под патронажем епархиального начальства, хотя объективности ради следует заме-

тить, что не все кавказские казаки были православными. Среди них были и старове-
ры, и представители некоторых иных сект христианства.

В казачье сословие могли записать выходцев любой национальности. В этом случае указывалась нация и через дефис слово «казак», например, осетин-казак. Иные пред-
ставители кавказских народов именовались либо по национальности, либо с пристав-
кой слова «горец».

Имелись отдельные случаи и «магометанских казаков». Исповедовавшие ислам про-
живали компактно в Терской области, в Грозненской, Нальчикском и Хасав-Юртовских
округах. В иных округах население было смешанным по религиозному составу. В кав-
казских городах население было смешанным по этническому и конфессиональному со-
ставу, но зачастую прослеживался так называемый этнический и религиозный прин-
ципы формирования городских слободок.

Весьма ценным материалам служат статьи, посвященные педагогическим вопро-
сам. Например, Ведомости выступали в качестве своеобразного методического посо-
бия по организации не только обучения в церковно-приходских школах, но в них отра-
жались проблемы подготовки священнослужителей в специальных учебных заведени-
ях. Здесь содержался полный перечень требований соискателям сана священника, диа-
кона, псаломщика.

Общим было требование знать и использовать Святое Писание, владеть навыками
церковного песнопения. Общим требованием было знать и обличать факты русского
раскола [БЕВ, 1905: 31].

Большое значение для церковной деятельности занимающих вышеозначенные долж-
ности имели медико-санитарные знания. В программу обучения входил перечень за-
болеваний: «оспа ветренная, корь, тиф брюшной, заушница эпидемическая, рожа, ост-
рый сочленовый ревматизм, крупозная пневмония, перемежающаяся лихорадка и бо-
лотная кахекция, глисты кишечные, часотка, воспаление дыхательных путей, полости
рта и зева» [БЕВ, 1905: 44].

Значительное внимание уделялось борьбе с инфекционными заболеваниями. Имен-
но при активной помощи православных меценатов удалось выполнить крайне важ-
ную задачу — построить больницу или, как ее тогда именовали, приют для прокажен-
ных [БЕВ, 1896: 71].

Эти заболевания, названия которых ныне воспринимаются в современном здра-
воохранении как анахронизм, были серьезными проблемами общества, и то, что цер-
ковные служащие были знакомы с их симптоматикой, в значительной мере повышали
общий уровень здравоохранения в стране как важнейшей задачи осуществления вну-
тренней политики Российской империи.

Примечательно, что тогдашнее руководство Владикавказско-Моздокской епархии
живо реагировало на так называемый толстовский вопрос. В те годы народ еще не знал,
что Д. Н. Толстой — «зеркало русской революции», и многие действия графа, иду-
щие вразрез с церковной догматикой, критиковались начиная с 1897 г. на страницах
Ведомостей.

Заметки об этом именовались «К почитателям, поклонникам и последователям зна-
менитого русского писателя графа А. Н. Толстого». Особую неприязнь вызывали вы-

сказывания Толстого о браке. Так, например, отмечалось, что «учение Толстого о браке — это губительный путь для личности и семьи, для общества и государства» [ВЕВ, 1897: 141].

В другой статье утверждалось, что «поклонники Л. Н. Толстого забывают или не хотят понять, что иное дело быть художником или поэтом, а иное дело быть истолкователем Святого писания» [ВЕВ, 1898: 394]. Мировоззренческий конфликт Толстого и церкви нарастал и затрагивал все большие круги населения. Обе стороны не делали шагов к примирению. Своеобразной кульминацией этого противостояния было специальное послание Святейшего Синода мирянам, но не акт отречения, как многие истолковывают этот документ «Определение и послание Святейшего Синода о графе Льве Толстом», изданное в феврале 1901 г., в котором утверждалось, что «граф Лев Толстой более не является членом Православной церкви, так как его публично высказываемые убеждения несовместимы с таким членством». Подобное во Владикавказских Епархиальных Ведомостях именовалось «срамословием» [ВЕВ, 1901: 365].

Все вышеизложенное свидетельствует об определенных кризисных явлениях как в обществе, так и в церкви, которые не способствовали укреплению общегосударственного единства.

Ведущей формой правовоспитательной работы были духовные беседы в присутствии родителей обучающихся. В Ведомостях регулярно анализировались эти беседы. Так, например, отмечалось, что в 1895 г. «в мещанской и грузинской школе проводились подобные беседы» [ВЕВ, 1895: 9].

Как видим, школы подразделялись, в том числе, по национальному и сословному принципам.

Исходя из принципа единства государства и Русской православной церкви вплоть до ленинского декрета, представляет значительный интерес обсуждение на страницах Владикавказских епархиальных ведомостей вопросов государственно-правовых реформ. 15 января 1905 г. здесь был напечатан именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка Правительствующему Сенату» [ВЕВ, 1905].

В преамбуле этого документа отмечалась задача усовершенствования порядка управления «По священным заветам предков наших, непрестанно помышляя о благе вверенной нам Богом державы, Мы, при неперменном сохранении незыблемости основных законов империи». По сути дела, это был первый официальный отклик на события, получившие в истории Отечества наименование «Кровавое воскресенье».

Подчеркивалась задача «охранения полной силы закона — важнейшей в самодержавном государстве опоры». Пройдет по историческим меркам совсем немного времени, уже в октябре того же года император в своем манифесте фактически провозглашает в стране конституционную монархию. И в это же время на страницах ведомостей появится материал «Голос из Почаевской Лавры» [ВЕВ, 1905: 298–299].

Почаевская Лавра — крупнейшее и авторитетнейшее духовное учреждение Русской православной церкви на юге страны, которое основали монахи Киево-Печерской лавры, бежавшие от нашествия монголов в 1237 г. Они нашли приют в основанном здесь монахом с Афона Мефодием Почаевским в 1228 г. ските. С тех времен эта Лавра игра-

ла одну из ключевых ролей в формировании православной веры и разрабатываемых на ее основе идеологических постулатах государства. В период российской Смуты, в первой половине XVII в., игумен Почаевской Лавры Иов отстаивал интересы православия и независимости Русского государства.

Сейчас трудно сказать, кто был автором этого материала-воззвания. Можно предположить, что он появился в результате согласованных действий с Синодом. В связи с объявленными выборами в I Государственную думу в статье говорилось: «Трудную и спешную работу задал наш Царь народу своему. Оказал нам великую милость» [БЕВ, 1905: 298].

В целом одобряя законодательные нововведения, высказывалась мысль и об опасностях, кроющихся в процессе формирования первого русского парламента: «А то ведь будут там в Думе царской выборные от всяких других народов, будут и русские безбожники, которые добиваются перестроить наше православное царство на заморский лад» [БЕВ, 1905: 299].

В связи с этим Русская православная церковь активизировала контрпропагандистскую борьбу с идеологией действовавших в стране духовных сект. О них подробно писали на страницах Ведомостей еще в 1902 г. Их называли энтузиастически-мистическими, это были «Хлысты. Саафов, Христос, Богоматерь, Дети Сиона, Коммунисты, Адамиты, Наполеоновцы, Молчалники, Морельщики, Живые покойники, Чувственники и некоторые другие» [БЕВ, 1902: 449].

В те годы это были многочисленные организации, имевшие своих последователей в различных регионах страны. Например, общество княжны Татариновой. Екатерина Филипповна Татаринова, в девичества Буксгевден (1783–1856) — организатор общества «духовных христиан» в аристократической среде Санкт-Петербурга. И хотя она впоследствии отрекалась от противоречащих православному учению взглядов, ее последователи, в том числе и на Кавказе, продолжали свою тайную деятельность.

Так называемые хлысты, или христоверы, в те годы часто упрекались в проведении так называемого обряда христовой любви — «беспорядочном смешении участников и участниц, хотя многие исследователи ставят под сомнение или прямо отрицают это» [Никольский, 1985: 290].

Анализ деятельности вышеуказанных сект заслуживает специального исследования, в рамках нашей статьи мы хотим подчеркнуть лишь то обстоятельство, что в начале XX в. церковноначалие Русской православной церкви пыталось уделить внимание борьбе с ними. Для этого предлагалось всем служащим православных церквей изобличать вредные последствия распространения этих учений и для успешной борьбы с ними изучать их историю и деятельность.

В целом, для русской православной церкви на Кавказе до революции характерно отрицание устоев иных религиозных конфессий, в том числе и христианского сектантства, однако это не сказывалось на внутренней политике российского государства. Так, например, определенная часть казачества придерживалась старообрядчества, что не мешало их представителям с честью служить в рядах Российской армии.

Кавказцы — представители разных этносов, придерживающихся суннитского и шиитского направлений ислама, также служили в армии и достигали генеральских чи-

нов без ущерба для своей религиозной идентичности. Никто не склонял их к принятию христианства. На примере осетинского народа можно назвать имена мусульман, генерал-лейтенантов Хоранова Созрыко Дзанхотович Хоранова (1842–1935), активного участника трех войн — Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой, боевого товарища генералов И.Ф. Тутолмина и М.Д. Скобелева, Дзамболата Константиновича Абадиева (1857–1936), Афако Пациевича Фидарова (1859–1929) и многих иных.

Осетины придерживались суннитского направления ислама. Шиитами были в основном представители живущих на Кавказе персов, а также некоторые чеченские и ингушские братства. Среди чеченцев и ингушей особым почетом пользовался шейх Кунта Хаджи Кишиев (1830–1867). Ныне имя Кунта-Хаджи присвоено главному высшему религиозному заведению Чеченской Республики — Российскому исламскому университету. К-Х Кишиев не только призывал к толерантности в межнациональных отношениях, но и открыто заявлял: «Я не верю в сообщения, что из Турции придут войска для нашего спасения и освобождения... Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно» [Акаев, 2012: 52].

На страницах Вестника регулярно печатались статистические сведения, характеризующие деятельность образовательных учреждений. Так, например, в том же 1895 г. в Терской области действовало 17 одноклассных школ ведомства вышеназванной епархии. В них обучалось 748 мальчиков и 249 девочек. В отличие от классических гимназий в данной школе обучение не градировалось по половому принципу. Это были смешанные школы, где мальчики и девочки учились совместно [ВЕВ, 1895: 19].

Весьма интересный факт заключается в том, что, вопреки устоявшемуся стереотипу о засилье православия, в школах подведомственных епархии обучались не только православные дети. В этом же 1895 г. школу посещали дети обоего пола, из них 977 православных, 14 сектантов, в основном молокан, хлыстов, баптистов, трое армяно-григорианского вероисповедания и трое мусульман» [ВЕВ, 1895: 19].

Владикавказская и Моздокская епархия, как это явствует из материалов Ведомостей, среди всех сектантов особый вред видела в деятельности секты хлыстов, или, как их еще часто именовали христововеры, или люди Божьи. Среди них существовал культ самобичевания за грехи людские и отрицание православной обрядности, а также государственных устоев. Думается, что именно это и явилось причиной того, что в ряде публикаций учение хлыстов характеризовалось как «убивающее в человеке все хорошее и делает его совершенно безнравственным и возводит в культ разврат» [ВЕВ, 1897: 365].

Владикавказские епархиальные ведомости публиковали не только церковную, т.е. ведомственную статистику, но и общероссийские конфессиональные сведения. Например, в том же 1895 г. в Терской области в 109 школах, подведомственных Министерству народного просвещения Российской империи, обучалось 4950 мальчиков и 1841 девочка. Из них было 5299 православных, 76 человек армяно-григорианского вероисповедания, 76 католиков, 698 протестантов, 108 иудеев и 154 мусульманина [ВЕВ, 1895: 19].

Вместе с тем следует признать, что, впрочем, вполне объяснимо исходя из целей и задач ведомственного издания, что в части неофициальной регулярно печатались материалы, пропагандирующие православие и осуждающие иные религиоз-

ные верования. В основном это были беседы священников и воцерковленных мирян, что обозначалось авторами в специальном примечании. Например, в отношении «людей, зараженных баптизмом и молоканством, но еще верующих учению Св. Отцов и стоящих на переходном пути. Здесь отмечалось, что проповедь сектантов тогда сильна, когда в глазах народа они сумеют уронить достоинства православной иерархии» [БЕВ, 1895: 21].

Отдельной темой во Владикавказских епархиальных ведомостях следует считать тему «присоединения к православию», как это указывалось в издании людей, исповадовавших иную веру. Это были мусульмане, представители христианских сект — молокане и баптисты, католики и иные. Хроника подобных дел освещалась в неофициальной части почти каждого номера с указанием заслуг конкретного священника, совершившего обряд крещения, которому предшествовала его агитационная работа.

С этой целью подопечные районы Терской области объезжал епископ Владикавказский и Моздокский. Отчет одной из таких поездок весьма красноречиво характеризующего подобную работы мы приводим ниже: «Владыка Владимир — (архиепископ Владимир, в миру Филарет Алексеевич Сеньковский, 1845–1917. — С. Ч.) прибыл в одно из осетинских селений еще до заутренней, но в церкви не нашел ни одной верующей женщины. Его лицо омрачилось и только под непонятные нам выкрикивания мужчин женщины появились под благословение и затем старались забраться в уголок, где их не было видно» [БЕВ, 1895: 81].

Православное духовенство тех лет успешно использовало в деле миссионерской пропагандистской работы живую полемику с людьми, которых желало приобщить в вере. Владикавказские епархиальные ведомости не только в каждом номере освещали вопросы приобщающихся к христианской вере, открытия школ грамоты при церквях, новинки педагогической литературы, в том числе и периодические издания. Так, широко был рекламирован своим читателям миссионерско-просветительский журнал «Православный Благовестник» издаваемый с 1893 г. Он, согласно существующему тогда неписаному правилу изданий, состоял из двух частей, официальной и неофициальной.

В официальной части печатались руководящие материалы по вопросам миссионерско-просветительской работы, в неофициальной части были представлены такие познавательные рубрики, как очерки и рассказы из истории распространения христианства в различных странах, миссионерская деятельность на Западе, известия и заметки из газет и писем. Библиографические отзывы о различных книгах и статьях, информация о пожертвованиях и объявления [БЕВ, 1894: 321]. Журнал выходил два раза в месяц. Его редакция располагалась на базе Спасской церкви в Московской Сретенке. Редактором служил Николай Комаров, сведений о котором, к сожалению, нам найти не удалось.

Большую роль на Кавказе играла секта молокан. Одним из первых это выявил и проанализировал известный российский ученый, народник по политическим убеждениям и осетин по происхождению А. Г. Ардасенов в монографии «Переводное состояние горцев Северного Кавказа» под псевдонимом В-Н-А [1896].

Он отмечал: «Молокане появились на Кавказе во второй половине XIX века по мере укрепления здесь основ гражданской жизни. «Трудолюбивый и предприимчивый народ этот не испугался, ободряемый, как говорят, местным начальством. Они привез-

ли с собой всевозможные земледельческие орудия и принялись за хозяйство свое очень основательно и умело, производя все работы машинами» [В-Н-Л, 1896: 14].

Следует отметить, что в дореволюционном Владикавказе успешно функционировал молоканский квартал рядом с Вторничным базаром, рядом с современным зданием ЦУМа. Его выходцы занимали определенную и немаловажную нишу в городской торговле и предпринимательстве.

Выводы

Наше государство — уникальное объединение наций и народностей, представители которых исповедуют все известные на Земле традиционные религиозные верования. Россию справедливо называют государством-цивилизацией, имеющей многовековые традиционные ценности, в основе которых заложена вера в Бога и патриотизм. Решая насущные проблемы, стоящие перед национальными сообществами и государством, интеллигенция Северного Кавказа направляла свои усилия на аналитическое восприятие тенденций развития социально-экономического положения наций и народностей, объединяющихся в единую российскую общность, имеющую свои религиозные отличия.

В этот период для христианства и ислама характерно укрепление конфессиональных институтов и усиление их воспитательной и образовательной деятельности. И у Российского государства в лице монархической формы правления, и у православной и мусульманской конфессий и даже их сектантских сегментов появляется духовная скрепа — патриотизм, приобретающий свои образы и символы, которые использовались в правовоспитательной деятельности.

Проанализировав государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX в., мы считаем, что, хотя российское государство и православная церковь были во многом тождественны на политическом поле страны, между ними имелись определенные существенные различия. Следует признать, что известный декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» констатировал уже устоявшуюся правовую тенденцию, которая сложилась к моменту его принятия. Существовавшая в России государственная власть после отречения императора Николая II уже полностью носила светский характер, практически не оставалось существенных ограничений свободы совести и вероисповедания на Кавказе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаты кавказских горцев / сост. Ф. И. Леонтович. Одесса, 1882. 449 с.

Акаев В. Х. Толерантность в религиозно-философской системе Кунта-Хаджи Кийшиева // Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия : материалы Международной научной конференции. Владикавказ, 2012. С. 50–53.

Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им В. А. Гассиева, 2005. 412 с.

Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1894. № 1.

Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1895. № 1.

Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1896. № 2.

- Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1897. № 10.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1897. № 12.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1898. № 15.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1901. № 14.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1902. № 22.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1905. № 2.
Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1905. № 19.
В-Н-А. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис : тип. П. К. Козловского, 1896. 41 с.
Дегоев В. В. Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии // Звезда. 2003. № 11. С. 12–89.
Джикаев Ш. Свет правды и добра // Антология осетинской поэзии. Переводы. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 5–45.
Джумагулова А. Т. Переселение в Стамбул // Современная наука и инновации. 2014. № 2 (6). С. 36–41.
Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925. С. 18–32.
Дзеранов Т. Е. Религия осетин и русская культура. Владикавказ : СОИГСИ им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, 2006. 260 с.
Елхот. Исторический очерк. Владикавказ : Ир, 1999. 142 с.
Калоев Б. А. Осетины. М. : Наука, 1967. 340 с.
Конституция РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 29.07.2024.).
Кундухов М. А. Мемуары. URL: https://bookscafe.net/book/kunduhov_mussa-memuary-145326.html (дата обращения: 24.07.2024).
Кундухов М. А. Мемуары. Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
Никольский Н. М. История русской церкви. М. : Политиздат, 1985. 445 с.
Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019#:~:text=> (дата обращения: 23.07.2024).
Осетины. М. : Наука, 2012. 606 с.
Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 22. 1168 с.
Сокаева Д. В., Канукова З. В., Марзоев И. Т., Дзапарова Е. Б., Дзлиева Д. М. Комплексная экспедиция по изучению осетинской диаспоры в Турции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 1 (82). С. 201–206.
Торкунов А. В., Дегоев В. В. Русская история: государство, цивилизация, внешний мир. М. : Аспект Пресс, 2024. 687 с.
Чеджемов С. Р. Конфессиональная политика Российской империи в середине XIX в. (на примере переселения народов Кавказа, исповедовавших ислам, в Турцию) // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 108–116.

Чеджемов С. Р. Религиозный фактор в системе политико-правового состояния общества: на примере Республики Северная Осетия-Алания // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 4. С. 142–153.

Шершнева Е. А., Дашковский П. К. Мусульманские мечети Енисейской губернии в правовом поле Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 179–188.

REFERENCES

Adaty kavkazskikh gortsev [Customs of the Caucasian highlanders]. Odessa, 1882, 449 p. (in Russian).

Akaev V. H. Tolerantnost' v religiozno-filosofskoy sisteme Kunta-Khadzhi Kishieva [Tolerance in the religious and philosophical system of Kunta-Khadzhi Kishiyev] *Dialog kul'tur kak sotsial'nyy imperativ mezhnatsional'nogo vzaimodeystviya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Dialogue of Cultures as a Social Imperative of Interethnic Interaction]. Vladikavkaz, 2012. P. 50–53. (in Russian).

Alborov B. A. *Nekotorye voprosy osetinskoi filologii*. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im V. A. Gassieva, 2005, 412 p. (in Russian).

Chedzhemov S. R. Konfessional'naya politika Rossijskoi imperii v seredine XIX v. (na primere pereseleniya narodov Kavkaza, ispovedovavshikh islam, v Turtsiyu). [Confessional Policy of the Russian Empire in the Middle of the Nineteenth Century (on the Example of the Migration of the Peoples of the Caucasus, Professing Islam, to Turkey)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia] 2018, no. 1 (14). P. 108–116 (in Russian).

Chedzhemov S. R. Religiozniy faktor v sisteme politiko-pravovogo sostoyaniya obshchestva: na primere Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Religious factor in the system of political and legal state of society: on the example of the Republic of North Ossetia-Alania]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia] 2022, vol. 27, no. 4. P. 142–153 (in Russian).

Degoev V. V. General Musa Kundukhov: istoriya odnoy illyuzii [General Musa Kundukhov: the story of one illusion]. *Zvezda* [Star]. 2003, no. 11. P. 12–89 (in Russian).

Dzagurov G. A. Pereselenie gortsev v Turtsiyu [Resettlement of highlanders in Turkey] *Materialy po istorii gorskikh narodov* [Materials on the history of the mountain peoples]. Rostov-na-Donu, 1925. P. 18–32 (in Russian).

Dzeranov T. E. *Religiya osetin i russkaya kul'tura* [Religion of Ossetians and Russian Culture]. Vladikavkaz: SOIGSI im. V. I. Abaeva VNTs RAN, 2006. 260 p. (in Russian).

Dzhikaev Sh. Svet pravdy i dobra [The Light of Truth and Goodness]. *Antologiya osetinskoi poezii*. Ordzhonikidze: Ir, 1984. P. 5–45 (in Russian).

Dzhumagulova A. T. Pereselenie v Stambul [Resettlement to Istanbul]. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern Science and Innovation]. 2014, no. 2 (6). P. 36–41 (in Russian).

Elhot. *Istoricheskij ocherk* [Elkhot. Historical essay]. Vladikavkaz: Ir, 1999, 142 p. (in Russian).

Kaloev B. A. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow: Nauka, 1967, 340 p. (in Russian).

Konstitutsiya RF [Constitution of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed July 29, 2024) (in Russian).

Kundukhov M.A. *Memuary* [Memoirs]. URL: https://bookscafe.net/book/kunduhov_mussa-memuary-145326.html (accessed July 24, 2024).

Kundukhov M.A. *Memuary* [Memoirs]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva, 2013, 92 p. (in Russian).

Nikol'skii N.M. *Istoriya russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow: Politizdat, 1985, 445 p. (in Russian).

Osetiny [Ossetians]. Moscow: Nauka, 2012, 606 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1]. Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1830, vol. 22, 1168 p. (in Russian).

Shershneva E.A., Dashkovskii P.K. Musul'manskie mecheti Enisejskoi gubernii v pravovom pole rossijskoi imperii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. [Muslim Mosques of the Yenisei Province in the Legal Field of the Russian Empire in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries] *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2024, no. 1 (64). P. 179–188 (in Russian).

Sokaeva D.V., Kanukova Z.V., Marzoev I.T., Dzaparova E.B., Dzlieva D.M. Kompleksnaya ekspeditsiya po izucheniyu osetinskoi diaspory v Turtcii [Complex expedition to study the Ossetian diaspora in Turkey]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. 2016, no. 1 (82). P. 201–206 (in Russian).

Torkunov A.V., Degoev V.V. *Russkaya istoriya: gosudarstvo. tsivilizatsiya. vneshnij mir* [Russian History: State. civilization. the outside world]. Moscow: "Aspekt Press", 2024, 687 p. (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 № 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey" [Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"]. URL: [http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019#:~:text=\(accessed July 23, 2024\)](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019#:~:text=(accessed%20July%2023,%202024)(in%20Russian).) (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1894, no. 1 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1895, no. 1 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1896, no. 2. (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1897, no. 10. (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1897, no. 12 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1898, no. 15 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1901, no. 14 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1902, no. 22 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1905, no. 2 (in Russian).

Vladikavkazskie Eparkhial'nye Vedomosti [Vladikavkaz Diocesan Gazette]. 1905, no. 19 (in Russian).

V-N-L. *Perekhodnoe sostoyanie gortsev Severnogo Kavkaza* [Transitional state of the highlanders of the Northern Caucasus]. Tiflis: tip. P. K. Kozlovskogo, 1896, 41 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 01.08.2024

Принята к публикации: 10.04.2025

Дата публикации: 30.09.2025